

Александр Грин

Наивный Туссалетто

Александр Степанович Грин

Наивный Туссалетто

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=292462

Аннотация

Исторический рассказ о «сильных и слабых мира сего 16 века».

© *FantLab.ru*

Содержание

I	5
II	9

Александр Степанович Грин Наивный Туссалетто

Герцог Сириан, изувеченный страстью к ослепительной Ризалетте Бассо, которая, что не было уже ни для кого секретом, обратила светлое внимание на казначея двора, Стенио Герда, улыбаясь ему при всех радостно и открыто, – сделал то, что подсказывали ему кровь и кулак.

Об этом через несколько столетий дошли сведения, более поучительные, чем достоверные, но, сверив переставшие биться, истлевшие в могилах сердца с живыми сердцами нашего века, мы все-таки подойдем к истине, и время исчезнет.

Герцог, расфранченный, хлыщеватый мужик, убийца и трус, мало напоминал аристократов нашего времени, изучающих естественные науки.

Теперь пусть говорит и расскажет о своем позоре дворянин Туссалетто. Рассказ ведется от первого лица, все описанное Туссалетто относится, по-видимому, к семидесятым годам шестнадцатого столетия.

I

Пока я торговал краденую арабскую лошадь, во двор въехал гонец и, покинув седло, подал мне письмо от герцога Сириана.

Давно забытый милостями его светлости, я стоял с опущенной головой, не решаясь прочесть послание. Меня озадачили воспоминания: в деревенской глуши, где кричат лишь мулы и петухи, а люди смиренно проходят жизнь, уповая на милосердие божье, – всякое письмо подобно уличной драке или пожару, тем более письмо славного, живого вовеки веков герцога Сириана.

Голубой день и сизые холмы за оградой; рев сгоняемых стад; красная пыль дорог и босоногие женщины, по вечерам после рабочего дня развлекавшие Туссалетто в тишине спальни, все это перестало существовать для меня, пока я, с сильно бьющимся сердцем, держал в руках письмо герцога. Я вспомнил, что всего два года назад мои отношения к нему не оставляли желать ничего лучшего. Я был поверенным его сердечных забав, и благодаря мне он нарушил столько молодых женских снов, сколько в гранате семечек. Я доставал ему тоненьких и полных девушек, не жалея себя. Иногда в моих руках билась и более опасная добыча – замужние женщины, клохтавшие от испуга наподобие раскормленных кур в пальцах торопливого повара, но все чудесно сходило с рук. Ме-

ня просто оклеветали. Герцог требовал, чтобы я посмотрел ему прямо в глаза. Я сделал это, боясь смерти, но все было испорчено. Иуда Консейль напоил меня толченым стеклом, я заболел, покрылся сыпью и струпом, так что перестал обращать на себя внимание герцога и улизнул. Хуже всего то, что Консейль сам рассказал об этом, а герцог смеялся.

Герцог, наполовину шутя, наполовину ругаясь, писал следующее:

«Любезнейший прощельга Туссалетто! Перестаньте сердиться на меня и приезжайте сегодня ночью. Вы знаете, что я всегда рад вас видеть. Я пригласил изысканное общество, а вам, старый дурак, советую явиться немедленно: дело прежде всего. Сколько вы натравили зайцев с этим бродягой, косноязычным моим однофамильцем? Не унижайся, Туссалетто, он хитрее меня. Желая видеть твой черный мозг у себя как можно скорее.

Ваш бедный, нищий, старый, больной, слепой и преданный герцог Сириан».

Я выронил письмо, испуг мой передался посыльному. Он стоял с разинутым ртом, бледный, ожидая, что я упаду или начну лаять от страха. Я вспотел и дрожал, но, насколько мог, овладел собой.

Первым помыслом моим было бежать, бросив все, переодеться и скрыться, но, вспомнив участь Луиджи и многих других, умиравших под ударами прежде, чем успевали оглянуться на покидаемый дом, я понял все безумие явной тру-

сости. Меня убили бы те невидимые, на обязанности которых лежит стеречь обреченного человека, зевая за углами оград или лежа в придорожных канавах, пока жертва, думая, что еще есть время спастись, смотрит на горизонт.

Такое же письмо, как и я, получил на моей памяти Гандио. Он, не теряя времени, написал завещание и исповедался. Во время танцев кинжальщик подставил ему ногу и, повалив, пробил горло несчастного с такой силой, что лезвие сломалось о плиту пола. Режи, раздушенный, счастливый тем, что сидит рядом с герцогом, упал с недопитым стаканом в руках, отравленный шутя, мимоходом, на всякий случай. А Скарабулло, избегая ударов, бросился сам с террасы, разбив голову. Герцог во всех таких случаях делая вид, что ему дурно, требовал холодной воды.

Снова перечитав письмо герцога, я сказал «прости» всякой надежде. Черный нимб смерти остановился над моей головой. Все знали хорошо его манеру писать и таких случаях. Он кривлялся и хныкал, грубил и угрожал одновременно; новый позыв к убийству водил его рукой, но гнусная стыдливость палача претила выразиться откровенно, – иезуиты научили его приличиям.

«Косноязычный бродяга-однофамилец» – Лука, младший брат герцога, приближенных и друзей которого Сириан истреблял при каждом удобном случае, – охотясь, провел у меня ночь. Намеки герцога ясны и просты. Лука, к вечеру совершенно пьяный, жаловался мне на брата за то, что тот,

поддавшись гневу, рассек, ослепив на один глаз, лицо Чезаре, племяннику Луки, человеку несдержанному на язык, но честному.

Он подмигивал мне, усмехался, кивая головой в такт моим судорогам перед его братом Сирианом, и жал мне, лукавя, как вся их порода, руку, просил сыска и плакал позеленевшими от злобы глазами.

Разумеется, нас подслушали. Мысль о близкой смерти приводила меня в отчаяние. Умереть за то, что слушал чужую болтовню и из вежливости кивал головою?! Меня мутило от страха и тоски. Я люблю жить и согласен стать последней собакой, клещом в грязной ноге нищего, червем, улиткой, но не трупом.

Я несчастнее гусеницы, потому что одарен мыслью, божественным началом вселенной, и должен беспомощно созерцать свое собственное уничтожение.

– Сириан, умирающие приветствуют тебя!

II

Когда умирает дворянин, лицо его скорбно, но не трусливо. С этим навязчивым представлением о благородном конце я появился во дворце герцога, но, вспомнив о близкой смерти, упал духом.

Когда я прибыл, у дверей герцогского покоя собрались следующие: Стенио Герд, три племянника Строцци и неизвестные мне люди с темными лицами.

Я посмотрел на Стенио, он тихо улыбался, смотря на дверь. Я стал в самом дальнем углу, мысленно падая прахом.

Долго все молчали или разговаривали вполголоса, или шепотом; наконец вышел герцог.

Дверь распахнулась стремительно, я увидел небесно-голубой бархат, лицо разъяренной летучей мыши, серые волосы и глаза, полные тусклого коварства.

Взглянув на меня, герцог Сириан оживился; я понимал его: добыча стояла перед ним; убийца ликовал, стал жеманным, когтистым, впал в ужасную шутливость удава, болтающего хвостом.

– Туссалетто! Красавец! – и герцог поманил меня пальцем; затем, сунув бороду в рот, стал грызть ее, смотря снизу вверх.

Я подскочил, кланяясь с тьмой и тоской в душе, не в силах будучи отвести взгляд от прыщеватой щеки, засевшей в

голубом кружеве.

– Н-но-но!.. – сказал герцог, погрозив пальцем, и вдруг похоронным огнем бьющие глаза его скрылись; он закрыл их, стал тяжело дышать и, повернувшись круто, ушел. Я оглянулся, увидел торчащие хвостами рапиры, испуганные лица вокруг; зазвенело в ушах.

Трое неизвестных с черными усами, отойдя в сторону, склонили друг к другу уши, оглядываясь на меня и секретно шепчась. Растерянность страха лишила меня достоинства, я осмотрелся, все наполнявшие зал смотрели сурово и подозрительно, один Стенио улыбался, бесцеремонно рассматривая меня в упор, подняв брови, как бы удивляясь чему-то...

Трое, в далеком углу близ арки, продолжали зловещее свое совещание, а я, сбитый с толку, огорошенный и несчастный, бросился к ним, желая прервать кровавое их соглашение, так как речь шла – я чувствовал – обо мне. Я подбежал к ним, и они расступились, кланяясь хмуро и неохотно. Умоляюще посмотрев на всех я сказал:

– Если вы издалека, я все могу сделать, герцог меня любит и слушает.

Все трое отвесили по поклону, и первый сказал:

– Я Гонзалес, я прибыл по приказанию герцога.

Второй, взмахнув шляпой, прибавил:

– Я Перуджио и нахожусь здесь по всемогущему желанию герцога.

Третий, кланяясь еще раз, прибавил:

– Его воля. А?

Стараясь, насколько можно, сдержать трепет, я отскочил задом, кланяясь ниже всех. В это время в дальнем углу покоев несколько раз быстро и звонко ударили в колокол. Вдруг стих шепот и разговоры вполголоса и, рванув дверь, выбежал, схватив меня за руку, Сириан. Он молчал, а с ним все, и я слышал, как жужжит у стекла муха.

– Туссалетто! За мной! – Меня как бы потянули за цепь, и я, не слыша ног, вошел за властной спиной в спальню.

Герцог, бросив меня у порога, подбежал к столу, где было вино, и налил огромный кубок. Он жадно пил, обливая бороду и грудь, но не замечал этого.

За дверью слышались топот, возня и глухое дыхание.

– А! Меня убивают! – закричал Стенио Герд; узнав его голос, я стиснул руки, пытаясь унять их дрожь.

– Молчать! – вскричал Сириан, подняв голову. – Это дерутся солдаты. Я их повешу.

Чик-чик-чик-чик – это лязгали шпаги.

– Помогите! – еще раз закричал Стенио.

– Я тебе помогу! – сказал герцог.

Затем наступила тишина. Я стоял, но не смел стоять, дышал, но не смел дышать.

– Боже, отпусти ему грехи! – пробормотал герцог, склонив голову.

– Ваша светлость, – решился произнести я, – эта отличная погода... охота...

– Молчи, дурак, – заявил герцог. Он подошел ко мне, покачиваясь, и нежно поцеловал меня в лоб. – Ступай к Ризе Бассо. Вот ключ.

Я согнулся.

– В тюрьму.

Я стал на колени и поцеловал полу его одежды.

– Уговори.

– Ваша св...

– Обещай.

– Д... д... д... д... д...

– Все.

– Светл...

– Любви! – сказал герцог и заметался, томно склонив голову. – Будьте мастером своего дела, – прибавил он, – я влюблен.

Уходя, я видел, что замытая плита еще сыровата. Но я жив. Не мне, не мне!

Меня привели в подвалы; от недавно перенесенного страха мои ноги ступали нетвердо.

Но что я увидел! Некоторое удовлетворение ощутил я, взглянув в глубину камеры. Ризалетта, милая Ризалетта! Она лежала в грязи, пробив себе грудь стилетом.¹ Я поцеловал ее ноги.

Посмотрим, какой потребуете вы еще любви, Сириан, когда...

---

¹ Стиллет – небольшой кинжал с трехгранным клинком.